

Иван Иванович
Богаевский

Иван Иванович Богаевский (1750 — после 1801) сперва учился в Академической гимназии (с 1765), после чего остался при Академии наук. Служа там в Ведомостной экспедиции и зарекомендовав себя добросовестным чиновником (в 1778 году он получил чин титулярного советника), он с целью дополнительного заработка занимался переводами, по количеству которых оказался весьма плодовитым¹. Публикуемое письмо является единственным свидетельством каких-либо отношений между князем Александром Борисовичем Куракиным и известным переводчиком. Для полноты сведений мы поместили здесь же приложения, препровожденные автором письма к князю.

¹ Вот перечень переводов И. И. Богаевского: Контан д'Орвиль. Судьба человеческая или Повесть о приключениях кавлера Дампьера. Ч. 1—2. Спб, 1768 (СК, II, 3112); Препровождение праздного времени в собрании шуточных повестей. Спб, 1769 (СК, II, 5640); Койе Г. Ф. Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского. Ч. 1—2. Спб, 1770—1773 (СК, II, 3017); Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния. Ч. 1—4.

СПб, 1772–1778 (СК, III, 8742); Пфейль И. Г. Б. Похождения дикого американца. СПб, 1773 (СК, II, 5773) и то же вторым изданием М, 1779 (СК, II, 5773); Георги И. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... Ч. 1–3. СПб., 1776–1777 (СК, I, 1374); Лексель А. И. Исследования о новой планете, открытой г. Гершелем и нареченной Георгиевою звездою... СПб, 1783. (СК, II, 3579). Также Богаевский является переводчиком отдельных статей, помещенных в Академических известиях, месяцесловах и Санктпетербургских ведомостях. Им же переводилось множество русских статей и заметок для немецкого издания Ведомостей.

[1]. 22 августа 1781 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь.

Претерпевая безвинно притеснения от учрежденной при Императорской Академии наук комиссии² приемлю смелость прибегнуть под покров правосудия Вашего Сиятельства и предложить вам вкратце обстоятельства службы моей при Академии.

Возвращаясь из чужих краев в 1765 году, где обучался я на иждивении отца моего³, имел я щастие быть рекомендован Его Сиятельству Графу Никите Ивановичу Панину⁴ от находящагося при Прусском дворе Российского министра, Его Сиятельства Князя Владимира Сергеевича Долгорукова⁵.

К определению в Академию для продолжения наук рекомендован я от Его Сиятельства Графа Никиты Ивановича Панина.

Службу мою продолжал я при Академии с 1765 до 1776 года без всякаго производства и на весьма малом жалованье.

В 1776 году нынешний Академии наук г. директор⁶ вступил в Академию и увидев переведенную мною книгу Юстия основания силы и благосостояния царств, которая составляет около 400 печатных листов⁷, принял меня за трудолюбие и успехи мои в переводах под свое покровительство и от времени до времени

удостоверяясь более о моих способностях, представлял обо мне Правительствующему Сенату к производству.

Г<осподин> директор по приведении в порядок Императорской Кунсткамеры и Библиотеки, которыя снабдил он разными монументами в прославление мудрости покровительствующей Академии великой Екатерины, и по возстановлении порядка в Географическом, и гравировальном департаментах, так же и в глобусной башне, бывшей в наивеличайшем неустройстве обратил попечение свое на типографию, в которой дела по причине помещения ея в разных отдаленных между собою местах имели тихое течение, и препоруча мне привести ее в лучшее состояние, вскоре увидел желанной в том успех к чести Академии и к приращению казеннаго интереса.

Потом г<осподин> Директор стараясь пресечь и в книжной лавке безмерно всякое неустройство и запущение щетов, препоручил сперва г<осподину> Академику и Комиссии члену Котельникову⁸ возстановить в сем департаменте порядок: но не увидя по прошествии целого года никакого в том успеха, и при том узнав некоторыя препятствовавшия тому обстоятельства, препоручил мне же возстановить в книжной лавке порядок, которой я сколько можно было при первом случае и возстановил. Для удобнейшаго же разположения книг и ландкарт на будущия времена, и для предохранения их, от повреждения, представлял я г. директору письменно о переводе книжной лавки в другое место, с приложением щета от архитектора, по которому сие перемещение обошлось бы не дороже как 200 или 300 рублей. Г. директор был на предложение мое согласен и предписал по оному исполнить. Но Комиссия враждуя противу всех к пользе и славе Академии служащих распоряжений г<осподина> директора, и почитая, что сие перемещение не знаю по какому щету станет в несколько тысяч рублей, отменила повеление г<осподина> Директора и наистрожайше подтвердила чтобы онаго не исполнять⁹.

Сверх всего вышеписанного способствовал я, для приращенія интереса казеннаго, к разпространению продажи академических книг сочинением на оныя рецензий; приготовил для книжной лавки с немалым трудом новой каталог¹⁰, хотя сие до должности моей и не касалось; споспешествовал печатанию необходимо нужных для публики книг, а особливо учебных, и правоучительных; пресек неправильной платеж заработанных денег типографским служителям, от чего чрез многия годы экономическая при Академии казна претерпевала немалой ущерб; снабдил типографию в короткое время разными литерами, коими они до меня недостаточны были, и вообще содержал типографию в чистом порядке, что когда от Его Сиятельства господина Генерал-прокурора и Кавалера¹¹ дано было мне повеление приготовиться к печатанию устава для Российских мореходцов¹², то оный старанием моим оканчивался набором прежде, нежели в Комиссии зделано было о том определение.

О протчих же трудах моих, как то издаванию Академическаго журнала, Немецких ведомостей¹³, календарей и разных переводов предоставляю я судить г<осподину> директору.

Все таковые мои в трудах успехи приобрели мне благоволение г<осподина> директора и негодование комиссии, которая ныне в отсутствие г<осподина> директора¹⁴ возросло до того, что комиссия отрешила меня без ведома г<осподина> директора от всех препорученных мне директором департаментов, как усмотрите Ваше Сиятельство из приложенной при сем копии с комиссией резолюции, не взирая на данныя прежде г<осподином> директором Комиссии ордера, коих копии при сем прилагаю. Я не знаю за собою ни не порядков, ни же самовластия: ибо я распорядился и поступал по приказаниям г<осподина> директора а не сам собою. При том же все безпристрастные судии дел моих обще с г<осподином> директором могут засвиде-

тельствовать, что все мои предложения клонились к сущей пользе Академии, а не ко вреду.

Но ежели вся моя правота и все мое рвение к пользе Академии затмеваемы будут какими нибудь представлениями со стороны комиссии; то всепреданнейше прошу Вашего Сиятельства не лишить меня правосуднаго вашего покровительства, дабы я мог принести пред вышним Правительством мое оправдание по возвращении г. директора так как моего шефа и повелителя во всех делах, кои мною не во вред но в пользу и честь Академии производимы были.

Впротчем ежели бы случилось, чтобы г<осподин> директор после всех своих трудов кои клонились единственно к возстановлению чести Академии в ученом свете и к прославлению в Отечестве, по каким либо обстоятельствам принужден был Академию оставить, и ежели бы притеснения Комиссии принудили меня удалиться от Академии; то приобретенныя мною знания, трудолюбие и рвение к рачительной и безпорочной службе, подают мне надежду, что я везде могу сыскать себе правотных¹⁵ покровителей, препоруча себя милостям Вашего Сиятельства, которыя заслуживать в главный долг себе вменю, и в несомненном уповании на оныя имею честь именоваться

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейший и всепреданнейший слуга
Иван Богаевской
Августа 22 дня
1781 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 342–344. Автограф.

Проблемы, описываемые Богаевским в письме князю, возникли у переводчика исключительно из-за того, что он пользовался особым расположени-

ем Домашнева: с приходом нового директора Богаевский приобретал в Академии все больший вес. С начала 1780 года до июля 1781 он был редактором Академических известий (вместо отъехавшего к родным И. Ф. Богдановича). В 1779 году Домашнев сделал его заведующим Ведомостной экспедицией, в 1781 — 17 марта — управляющим академической типографией и книжной лавкой, а с 14 июля поручил надзор над всеми письменными делами Академической канцелярии. Дополнительно Домашнев, распоряжаясь выплатой гонораров за переводы, выполненные для Собрания старающегося о переводе иностранных книг, выплачивал Богаевскому неоправданно высокие гонорары. В дополнение ко всему в 1780 году, по представлению Домашнева, Сенат пожаловал ему чин коллежского ассессора, дающий право на потомственное дворянство.

При общем отрицательном отношении к Домашневу со стороны академиков, таковое же отношение распространилось и на его верного подчиненного, который к тому же вступил в борьбу с Академической комиссией. В результате академики добились смещения Богаевского (см. прилагаемый самим Богаевским документ), а 17 ноября 1781 года приняли решение навсегда исключить его из академической службы. Тем не менее, 1 декабря Домашнев назначил его редактором Санктпетербургских ведомостей вместо И. Ф. Богдановича, что он и исполнял до 1791 года.

Как кажется, написать это письмо И. И. Богаевский мог только с подачи И. Ф. Богдановича, состоявшего в переписке с князем Куракиным и пользовавшимся его покровительством. Кроме того, князь Куракин мог и не знать о конфликте академиков с С. Г. Домашневым (до получения в декабре месяце обширного письма самого Домашнева, которое мы поместили в примечаниях к его письмам к князю) и, соответственно, еще не имел своей точки зрения.

² Речь идет о Комиссии «для разобранья и приведения в лучшее состояние всех академических департаментов», созданной согласно указа ее императорского величества от 30 октября 1766 года. По определению Канцелярии Академии наук, оглашенному 31 октября того же года, в состав комиссии вошли Я. Штелин, Л. Эйлер, И. А. Эйлер, С. К. Котельников, И. Г. Леман и С. Я. Румовский. Руководство комиссией возложено на тогдашнего директора Академии наук графа В. Г. Орлова (см.: *Летопись РАН*. С. 541). В бытность Домашнева директором Академии, в эту комиссию входили академики Я. Я. Штелин, С. Я. Румовский и С. К. Котельников. Непростые взаимоотношения Комиссии с С. Г. Домашневым подробно рассмотрены К. С. Веселовским (см.: Борьба академиков с директором С. Г. Домашневым // *Русская старина*. СПб, 1896, № 9, сентябрь. С. 457–492); стоит сказать, что статья

Веселовского довольно тенденциозна и автор изначально настраивает читателя против Домашнева, пытавшегося в Академии ввести казенные порядки. Приведенное письмо Богаевского и приложенное в соответствующем разделе письмо самого Домашнева дают нам права усомниться в однозначности трактовки ситуации в Академии.

³ Отец автора — Иван Богаевский — был полковым священником и служил в годы Семилетней войны «при главной армии».

⁴ Граф Никита Иванович Панин (1718–1783) — первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел, действительный тайный советник. Здесь несомненно, что Богаевский умышленно ссылается на Панина, зная о близости его к князем Куракиным. Тем более, что большее участие в судьбе Богаевского принял его брат, граф Петр Иванович Панин, которому Богаевский посвятил перевод книги Кюйе «Описание жизни Иоанна Собеского».

⁵ Князь Владимир Сергеевич Долгоруков (1717–1803). Действительный тайный советник, русский чрезвычайный посланник в Пруссии в 1778–1786 годах.

⁶ Сергей Герасимович Домашнев (1743–1795), поэт, назначенный директором Академии Наук исключительно посредством покровительства Орловых. Что касается даты вступления Домашнева в должность, то Богаевский ошибается, поскольку еще 22 июля 1775 года состоялось экстраординарное заседание Академии, где было зачитано письмо Домашнева о назначении его директором Академии Наук, а 14 августа того же 1775 года на публичном заседании был зачитан императорский указ о назначении Домашнева (См.: *Летопись РАН*. С. 627). А 11 декабря 1775 года Домашнев уже окончательно занял место директора и произнес в публичном собрании Академии вступительную речь (*Там же*. С. 629).

⁷ Речь ведется о книге Иоганна Генриха Готлоба Юсти (Justi; 1720–1771) «Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния. Сочинил И. Г. Г. Юстий, а с немецкого на российский язык перевел Иван Богаевский» (Ч. 1 — 4. Спб., при Императорской Академии Наук, 1772–1778. 4о). (Описание см.: *СК*, III, с. 453–454, № 8742). За перевод этой книги Богаевскому было заплачено 2 507 рублей (см.: Семенников В. П. Собрание старающегося о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1873. Спб, 1913. С. 41). Перевод Юстия является наиболее значительным из всех трудов Богаевского на этом поприще.

⁸ Семен (Симеон) Кириллович Котельников (1723–1806) — адъюнкт по математике в Академии Наук (с 1751 года), с 1756 года — экстраорди-

нарный профессор высшей математики, с 1760 по 1797 — ординарный профессор, с 1797 года — почетный член Академии Наук. Когда Богаевский учился в академической гимназии, Котельников занимал должность ее инспектора.

Домашнев, исполняя должность директора Академии, Котельникова не жаловал, но уже совсем явно это стало 8 апреля 1782 года, когда директор приказал передать от С. К. Котельникова к П. С. Палласу руководство Кабинетом естественной истории и редкостей. Конференция Академии не согласилась, решив что «подобный авторитарный акт перевернул бы всю систему академических обязанностей, и каждый академик в будущем стал бы опасаться подобной немилости, если бы только от начальника зависело отнять у него должность». (См.: *Летопись РАН*. С. 688). Противостояние все продолжалось, а 22 августа академики на собрании решили «настаивать, чтобы заведывание Кабинетом естественной истории продолжал С. К. Котельников» (*Там же*. С. 693). Только с назначением императорским указом от 27 января 1783 года Е. Р. Дашковой во главе Академии на место Домашнева этот конфликт разрешился сам собою.

⁹ Ужасающую обстановку, царившую во время противоборства с Домашневым в Академии наук, прекрасно иллюстрирует французское письмо самого Домашнева к князю Куракину, перевод которого мы поместили в примечаниях к письмам Домашнева в настоящем издании.

¹⁰ Единственный сколько-нибудь объемный каталог изданий академической типографии, вышедший в период директорства Домашнева был напечатан в 1778 году: Роспись российским книгам и портретам, которые при императорской Академии наук в Санкт-Петербурге напечатаны и в книжной лавке при оной же Академии без переплету продаются. [Спб. Типография Академии наук], 1778.— 24 с. 8о. Хотя, возможно, речь идет о каком-то большом рукописном каталоге.

¹¹ Князя Александра Алексеевича Вяземского (1727—1793), с 1764 года генерал-прокурора правительствующего Сената.

¹² В 1778 и 1780 годах при императорской Академии Наук было напечатано два издания упоминаемой книги: 1) Книга Устав морской, о всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море. Напечатано повелением царского величества. Пятым тиснением. Спб, 1778; 2) То же. Шестым тиснением. Спб, 1780. Эти книги представляют собой переиздания «Устава морского», написанного под руководством Петра I в 1715—1720 годах и впервые изданного в Петербурге в 1720 году. Устав был составлен на основе опыта Северной вой-

ны и просуществовал без существенных изменений до 1853 года, за исключением 1797—1804 годов, когда действовал «Устав морской» Павла I.

¹³ Речь идет о газете «St. Peterburgische Zeitung» — немецком варианте Санктпетбургских ведомостей, выходившей параллельно с русским.

¹⁴ В конце мая 1781 года императрица дозволила Домашневу поехать в Херсон. Он выехал на первой неделе июня и собирался вернуться к концу сентября месяца, но возвратился только в ноябре и присутствовал на заседании 22 ноября (см.: *Летопись РАН*. С. 680, 684). Именно время его отсутствия было с успехом использовано академиками.

¹⁶ Так в оригинале.

Приложение I.¹

Копия.

Ордер Комиссии Академии Наук.

По дошедшим до меня рапортам усмотрел я, что некоторые чины при Академии поступают несходственно с высочайше данным Академии регламентом; то по силе 33 артикула онаго, предписывающего мне хранить и наблюдать учрежденной при Академии порядок с крайнею строгостию, напечатать онаго регламента потребное число экземпляров, и раздать кому следует; также наблюдать, чтоб данные от меня учреждения исполняемы были во всей точности по силе 11, 44 и 64 пунктов того же регламента. Комиссии же не дается права вновь вводить ничего, но исполнять учрежденное, и в случаях требующих какого новаго учреждения, относиться к общему собранию, что наблюдать наистрожайше. Комиссии приказывается: ибо по силе высочайше данного правителю Академии 1766 года указа образ управления устроить ему предоставлено.

Сергей Домашнев

Июля 8 дня
1781 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 345. Автограф И. Богаевского.

Приложение II.¹

Копия.

Выписка из журнала Комиссии Академии наук, июля 30 дня 1781 года.

Хотя г. Ассессор Богаевской по воле Его превосходительства, Академии наук господина директора Сергея Герасимовича Домашнева, и учрежден главным смотрителем над книжною лавкою, також над книжною и портретною типографиями: но в разсуждении не долженствующих ему г. Богаевскому в казенных делах производить собою беспорядки и самовластие с ущербом интереса Ея Императорскаго Величества, от всех дел тех трех департаментов, то есть от книжной лавки, книжной и портретной типографий сего времени его отрешить, и более ему до оных ни какого дела не иметь, кроме обыкновенных своих дел по переводческой должности.

Подлинной за подписанием господ Комисских присутствующих.

Секретарь Василей Басов.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 345об. Автограф И. Богаевского.

Ипполит Федорович
Богданович

